

МИНЕНКО Н. А.

**ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА
ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Появление на Руси казачества относится к древним временам. Н. М. Карамзин полагал, что это, вероятно, произошло еще до «Батыева нашествия»; «сие имя, — писал он о казаках, — означало вольницу, наездников, удальцов» — «витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назывались» [1]. Вообще происхождение самого слова «казак» интересовало многих дореволюционных исследователей. По мнению В. И. Даля, «казак» скорее всего надо производить от «среднеазиатского казмак, скитаться, бродить» (как «гайдук» от «гайда», «бродяга» от «бродить» и пр.) [2]. Несколько иное объяснение давал В. Н. Татищев: «Казак, татарское кайсак — спавший, ушлец» [3]. «Как обыкновенно бывает в странах колонизирующихся, — замечал С. М. Соловьев, — усевшаяся часть народонаселения, предавшаяся постоянному труду земледельческому, выделяет из себя людей, которых характер и разные другие обстоятельства, находящиеся в большей или меньшей связи с их характером, заставляют выходить из общества и стремиться в новые, незапятнанные страны. Понятно, что эти люди, предпочитающие новое старому, неизвестное известному, составляют самую отважную, самую воинственную часть народонаселения; в истории колонизации они имеют великое значение как проводники колонизации...» [4]. Из этих людей, по утверждению историка, и формировалось главным образом казачество.

Проводниками русской колонизации восточных регионов России также стали казаки. «Три столетия тому назад, когда Ермак с товарищами... разрушал татарский город Сибирь (в 1581 г.), — писал в середине XIX в. С. В. Максимов, — незначительная горсть других вольных казаков... успела уже разрушить (в 1580 г.) другую татарскую столицу, некогда страшную для всей Руси, город Сарайчик: «вбевали его и сожгли». Разрушением Са-

райчика (как и взятием сибирского городка) обеспечивалось тылу занятие всего побережья Урала, никем не занятого и русским людям до той поры неведомого, теми казаками, которые выплыли из камышей Каспийского моря с Волги и Дона и... стали здесь укрепляться и промышленять» [5].

О сибирских казаках Г. Е. Катанаев справедливо говорил, что на их долю «выпала трудная и почетная (хотя и не всегда видная) роль пионеров всяких начинаний и мероприятий правительства по расследованию, занятию, покорению, умиротворению и устройству необъятной Сибири с ее многоязычным населением» [6]. Урало-сибирское казачество составляло достаточно представительный по численности отряд в составе российских нерегулярных войск. Например, по ведомости военной коллегии в 1724 г. в сибирских городовых командах служило 8728 чел., в крепостях по Иртышу — 777 чел., в Яицком войске — 3195 чел.; в то же время донских казаков насчитывалось 14266, гребенских и терских — 500 [7]. В 1853 г. во всех казачьих войсках было 81476 чел., в том числе в Оренбургском войске 4849, в Уральском 4912, в Сибирском линейном 12155, в Забайкальском 1492, в сибирских городовых полках 1288. Общая численность казаков Урала и Сибири составляла, таким образом, 24596, то есть едва ли не треть от всего количества [8]. Определяя долю казачества в составе населения Урала и Сибири, надо учитывать и членов казачьих семей. Известно, что в 1858 г. возникло дополнительно Амурское казачье войско, в 1889 г. — Уссурийское войско. К 1911 г. только в Сибири проживало 675 тыс. чел., относимых к казачьему сословию [9].

Между тем прошлое этого сословия остается до сегодняшнего дня во многом неизвестным. Изучение истории урало-сибирского казачества ведется в крайне малых масштабах, не соответствующих ни его количеству, ни его исторической роли. Показательно, что в обобщающих трудах по истории Сибири и Урала [10] казачеству фактически не нашлось места. Вышли в свет коллективные монографии по истории крестьянства и рабочего класса Сибири, но нет работ подобного характера о служилом населении региона. Советские сибироведы и ураловеды касались истории казачества, как правило, попутно, в связи с разработкой других тем. Немного можно назвать книг, вышедших в свет после 1917 г. и специально посвященных казачеству. Конечно, в данном смысле сыграли свою роль некоторые ложные идеологические постулаты, в частности, концепция казачества как реакционной в силе, как своеобразного опричного войска — опоры царизма. Стоит привести цитату из «Сибирской советской энциклопедии»: «Благодаря своему привилегированному положению

ялялись в своей значительной части... наиболее верными самодержавному правительству войсками и постоянно привлекались к подавлению рев[олюционных] вспышек среди рабочих и крестьян. При помощи казачьих частей в течение всего XIX в. подавлялись стачки рабочих на золотых приисках, восстание польских ссыльных, широко использовались к[азаки] царским правительством для борьбы с революционным движением в 1905, но особенно контрреволюционную роль сыграло сиб[ирское] казачество в гражд[анскую] войну, когда на него и кулацкую часть сиб[ирской] деревни была сделана ставка белогвардейцами» [11].

В подавляющей своей массе казачество было отнесено к лагерю эксплуататоров, «врагов трудового народа» — тех, кого советским людям полагалась ненавидеть, уничтожать; секретная директива ЦК РКП (большевиков) от 25 января 1919 г. требовала провести по отношению к казакам «беспощадный массовый террор» [12].

Начавшееся в последние годы освобождение нашего сознания и духа открывает возможность взглянуть на прошлое без идеологических шор, отказаться от стереотипов гражданской войны. По-новому должна быть осмыслена и история российского казачества, в том числе восточных отрядов. Необходимость в этом, помимо прочего, обусловлена развернувшимся движением за духовное, культурное и хозяйственное возрождение казачества.

Одной из важнейших задач, которая встает сегодня перед историками урало-сибирского казачества, является выяснение его происхождения и состава, истоков казачьих традиций. В последнее время в разных изданиях стали появляться определения казаков как особой «этнической формации», «самостоятельного славянского народа». Предпринимаются попытки найти российскому казачеству «благородного» предка». Так, писатель Б. Куликов видит этого предка или в черных клубоках, или в славянах-крестьян, или в этрусках. Легендой, придуманной советскими историками, считает он «утверждение о том, что казаки — это беглые люди, устремившиеся на Дон в поисках воли и лучшей доли, подальше от царского гнева» [13]. Схожие мысли высказывает атаман Яицкого казачьего войска В. Шуков [14].

Попытки отделить казачество от беглецов-«смердов», объявить его особым народом не представляются перспективными. Можно сослаться в данном случае на авторитет дореволюционных историков. С. М. Соловьев полагал, что основу казачества составили «бездомовные люди» из северных и центральных русских земель, «которые не хотели жить на чужих землях в зависимости от чужих людей и предпочитали вести воинственную, опасную,

но более привольную, разгульную жизнь в степи, на границах и далее, за границами государства» [15]. По утверждению Г. Е. Катанаева, запорожское, донское и яицкое казачество в значительной мере формировалось «по вольной воле всякими беглыми и недовольными московскими порядками людьми» [16]. Н. И. Костомаров приходит к выводу, что «казачество составлялось из людей, недовольных государственным строем», что казаки были «не более как беглецы». При этом он подчеркивал, что донские казаки «были русские люди, связанные верою и народностью с тем обществом, из которого вырвались...» [17].

Яицкое же казачество осознавало свою генетическую связь с донским [18], хотя вопрос этот требует дополнительного исследования. Кстати, имевшие возможность наблюдать жизнь уральских казаков В. И. Даль, С. В. Максимов, Г. Н. Потанин подчеркивали, что они не какая-то самобытная «этническая формация», не какой-то особый народ, а органическая часть русского народа [19]. Ю. В. Бромлей предложил считать различные группы казаков, обладающих самосознанием (речь идет об осознании групповых особенностей отдельных компонентов культуры), субэтносами русского народа [20].

Дальнейшие исследования должны показать, какие группы урало-сибирского казачества надо называть субэтносами, какие этнографическими группами, а какие просто локальными. При этом важно выяснить источники формирования этих групп. Г. Е. Катанаев, например, справедливо подчеркивал, что сибирское служилое казачество «комплектовалось исключительно по царскому указу и воеводскому наказу, не только нарядом потребных людей, но и прямо ссылкой в Сибирь как преступников, так и всякого рода пленных «черкас» (малороссов и запорожцев), «литвы» (поляков) и «немцев». «Состав сибирских служилых людей, — писал он, — можно сказать, переполнен был всякими иноземцами до «францужан» включительно. Поляки даже составляли особые команды «казаков литовского списка», «черкасы» тоже. Раз попавши в казаки, эти иноземцы обыкновенно навсегда в казаках и оставались со всем своим потомством, принимавшим православие и менявшим даже свою фамилию» [21].

Пополнялись сибирские команды и за счет выходцев из местного нерусского населения — уральского и сибирского. В 1647 г., например, тарские «иноземцы» жаловались царю: «Как мы, холопы твои, в Нижнем Новгороде служили, и у нас... в сотне... ни пермяков, ни зерян не бывало, а ныне, государь, в наши умершие места становятца новоприборные люди, пермяки и зеряне» [22]. Н. И. Никитин приходит к выводу, что к концу

XVII в. в основном завершается «процесс постепенной ассимиляции и обрусения служивых «иноземцев» [23]. Изучение дозорных и переписных книг начала XVIII столетия [24] подтверждает этот вывод. Правда, «вливание иноземной крови» в сибирское казачество происходило и в более поздние времена: в 1770 г. в местные линейные казаки были зачислены 137 запорожцев; в 1813 г. — более сотни польских пленных «великой армии» Наполеона и пр. [25]. Необходимо отметить, что в восточных регионах России существовали также башкирские, татарские, бурятские, тунгусские казачьи формирования [26]. Они отличались значительной спецификой и требуют специального изучения.

Известно, что состав сибирского казачества существенно менялся в связи с массовым переводом казаков в формируемые регулярные воинские части, зачислением в казаки тысяч крестьян и пр. Так, в Забайкальское войско в 50-х гг. XIX в. вошли 27136 горнозаводских крестьян и 1219 крестьян и бурят, живших в районе пограничной линии (вновь зачисленные составили 58,9 процентов от общего числа казаков-забайкальцев) [27]. В 1842 г. командир отдельного Сибирского корпуса сообщал военному министерству «о крайней необходимости усилить народонаселение Сибирского линейного казачьего войска сопричислением к оному до 3 тысяч душ крестьян, живущих на Горькой линииТобольской и Томской губерний в селениях, прилежащих к войску». Николай I одобрил «такое предложение» — 3065 душ муж. пола (разумеется, с семьями) влились в линейное войско [28]. Вопрос этот требует самостоятельной разработки.

Удивительно, что при всем том, сибирские казаки, как отмечалось в «Статистическом обозрении Сибири», Баккаревича, «умели сохранить свой характер и нравы: первоначальное происхождение их, — констатировал автор, — видно гораздо больше, нежели бы ожидать было можно, судя по тем изменениям, коим люди сии были подвержены» [29]. Конечно, не могли в данном случае не сказаться различия, присущие разным категориям казачества. Известно, что существовали городовые (или гражданские), линейные, беломестные, выписные и прочие казаки. Особенности в положении, их взаимоотношения и эволюция остаются пока во многом не выясненными. Об уральском казаке Маркиане Подгорнове В. И. Даль писал в 1841 г.: «...хотя ему было не с большим 50 лет, потому что написан из малолетних в казаки по 18-му году, дослуживал ныне 34-й год службы и, надеясь на милость начальства, собирался в отставные. Он был много лет линейным, вышел потом в градские казаки, там опять попал в линейные, в морскую сотню. В гражданские или городовые он идти сам не хотел, покуда есть силы и деньги нужны; но теперь уже

поговаривал: «поры уважить старику, послужил государю своему довольно и поставил за себя двух казаков, Вакха и Евпла». Градскими казаками в Уральском войске, по замечанию Даля, назывались «все служилые казаки, выставляющие от себя требуемые полки и команды на службу; линейными те, которые по наемке или по мирским подложным деньгам, получаемым с градских ежегодно, охраняют линию; гражданскими казаками называют особое отделение малоспособных и дряхлых служилых казаков, выставляющие людей только в городские команды и вообще на службу внутреннюю» [30].

Городовые казаки Сибири (просуществовали до 1881 г.) заметно отличались по составу и роли от гражданских уральских [31]. Причем разные локальные группы городского сибирского казачества имели свои особенности. «Осанкою и расторопностью, — говорится, например, в «Статистическом обозрении Сибири» Ю. Гагемейстера, — отличаются перед всеми березовские и сургутские (казаки — Н. М.), закаленные с малолетства трудами» [32].

Свои группы (или «типы», по определению Г. Н. Потанина) были и у сибирских линейных казаков. «За... два три года службы моей, — писал он, — я познакомился с двумя типами казаков, с типом алтайского казака и иртышского.. С иртышским казаком я познакомился у походного костра или в казачьем табуне, когда мне приходилось проводить недели в одной юрте с казаками-табунщиками, спать рядом с ними на тоненьком войлочке, как и они, ждать у костра, когда сварится каша, и слушать сказочника, который рассказывает про царь-девицу.. В жизнь алтайского казака я вошел глубже. Я провел полгода в семье старика в качестве его домочадца, наравне с другими домочадцами подчиняясь его авторитету... Патриархальный мир, который меня окружал в Алтае, демократизировал меня до глубины души». Тип иртышского казака, по утверждению Потанина, был ближе всего к мещанскому сословию, алтайского — к крестьянскому. Главным занятием иртышских казаков была «торговля с киргизами, у которых они скупали для перепродажи скот, шкуры, меха и войлок. Все они хорошо говорили по-киргизски, были юркими торгашами, исповедовали культ гроша и пряника и франтили по-киргизски»; алтайские казаки являлись «солидными земледельцами, вообще хорошими сельскими хозяевами» [33].

Все эти формальные и неформальные группы внутри уралосибирского казачества необходимо изучать. Встает вопрос о том, можно ли считать собственно казаками выписных казаков. «Генерал-майор Киндерман, — говорится в документе, 1764 г., — ...для резервов назначил от всех в Сибирской губернии, елико...

надлежит.. земских обывателей, то есть ис крестьян, от десяти одново, для исправления нужных случаев к пограничным местам или куда б вытребовано быть могло.., чтоб оной десятой, или выписной, назывался казаком и состоял бы с своей лошадыю и со своим оружием, где то потребно будет, во всякой готовности, разделяя их по полкам и определяя к ним старшин..» [34].

Выписные казаки просуществовали до конца XVIII в. Они оставались жить в прежних деревнях, несли все крестьянские повинности (правда, со временем их освободили «от государевой десятинной пашни» и подворной повинности), не получали никакого жалованья, привлекались преимущественно к строительным работам на пограничных линиях [35]. Скорее их надо считать особой группой в составе крестьянства, хотя для окончательного вывода нужны дальнейшие изыскания.

Изучение структуры казачьего войска должно проходить параллельно с исследованием управления им, а также казачьего самоуправления. Необходимо иметь подробное представление о командном составе. Специального внимания заслуживают такие деятели, как уральский войсковой атаман А. Д. Столыпин, командиры Сибирского линейного казачьего войска М. П. Капцевич, И. А. Вельяминов, генерал-майор Киндерман, генерал-поручик Шпрингер, начальник штаба войска С. Б. Броневский и пр. Г. Н. Потанин, например, познакомился в Уральске с молодым офицером А. Ф. Акутиным (которого характеризовал как самого образованного уральского казака, говорившего по-французски, либерала, сторонника Писарева и вождя уральской молодежи), а также с его друзьями, от которых он много узнал о «реформаторе порядков и нравов» в уральском войске — Столыпине. «По пересказам акутинцев, — пишет Потанин, — это был для Уральска в своем роде Петр Великий». Столыпин восстановил давно уже забытый «казачий круг» (собрал депутатов, созванных из казачьих станиц), учредил школы, осуществил другие реформы [36]. П. М. Капцевич, С. Б. Броневский выступили в роли рьяных последователей идей Московского общества сельского хозяйства, пытавшихся воплотить эти идеи на практике [37]. Генерал-поручик Шпрингер много сделал для распространения грамотности в среде сибирского казачества [38]. Думается, что среди казачьих командиров было немало других ярких личностей (как, впрочем, и среди рядового состава). История урало-сибирского казачества, которую предстоит воссоздать, должна быть населена живыми людьми.

Очень важная проблема — казачье самоуправление, деятельность служилых миров. В частности, известно, что на Яик казаки принесли демократические порядки Дона: «...на новом

месте уряжались заветные казачьи порядки, где всякий сам большой и все равны... Пригодился и удачно прилачился и здесь на ловых местах тот казачий круг, который всегда выручал и в опасных случаях при набегах и где всякому предоставлялось право свободного мнения и решительного голоса», — пишет С. В. Максимов. Выбираемый на мирской сходке кругом, «всем казачьим обществом на один год походный войсковой атаман с помощниками его наказными атаманами (двумя ли тремя) и есаулами не представляли собою неограниченных властей, а были лишь исполнителями коренных обычаев и временных постановлений круга [39]. Примерно так же представлял себе первоначальные порядки на Яике А. С. Пушкин, который в ходе работы над «Историей Пугачева» изучил немало разнообразных материалов, в том числе архивных, побывал в Оренбургском крае, беседовал со старожилыми-казаками [40].

Однако в XVIII в. ситуация в Яицком войске резко изменилась, былой казачьей вольнице пришел конец: казачью общину подчинили военной коллегии, введено назначение атамана, отменен круг и т. д. Уральцы отчаянно сопротивлялись новому порядку, поднимались на бунты (в частности, по словам С. В. Максимова, «недовольство яицких казаков высказалось пугачевским бунтом»), но победило правительство. «Уже больше ста лет не собираются в круг казаки в своих коротких, стеганых на вате, пестрых халатах, в широких синих шароварах и в высоких остроконечных бараньих шапках с малиновым суконным верхом. Не видать перекинутыми через плечо: ни ятаганов, ни винтовок, ни ружей, ник и пистолетов — всей той случайной и беспорядочной смеси орудий, какие когда-то попадались под руку и добыты отцами или самими в набегах. Изменился наружный вид и отчасти внутренний: круги не толпятся у квартиры наказных атаманов налицо и воочию, но дух их существует...» — писал С. В. Максимов [41]. Значительные элементы самоуправления в войске все же сохранялись; уральская казачья община Г. Н. Потанину представлялась «архаическим памятником древности». «Ни в одной русской общине, — писал Потанин, — вы не встретите такой солидарности населения, как здесь. Возрасты, общественное положение, чины — все здесь объединено. Полковник, как и простой рыболов, чувствует, что он всеми фибрами своего тела сросся с организацией, внутри которой он родился» [42].

Жизнь уальской казачьей общины во многом регулировалась обычным правом, традицией. Особую роль играла община в организации хозяйства. «Вся уральская земля в 600 верст длиной есть общес-нераздельное достояние области. Рыба в реке тоже общая для всех. Трава на лугах, соль в озере, солодковый корень, терновые ягоды, все — общее для всех. Войсковое хозяйственное

правление недреманным оком следит, чтобы какое-нибудь производство не оказалось лазейкой для ретивого индивидуалиста создать личное благополучие в ущерб своим собратьям. Регламентация хозяйства, устанавливаемая казачьей бюрократией, контролируется общественным мнением массы. Народная масса не спускает глаз с деятельности правления. Она сама находится в непрерывной деятельности. Старые, седые казаки ходят по лугам и определяют урожай трав, назначают сроки сенокоса на лугах, обволоки и сенокоса на сыртах, ходят по берегу реки, зимой ползают на животах по льду и считают, в какой яме сколько рыбы лежит. Вся статистика доставляется в войсковое правление для установления ритма экономической жизни общины», — удивляется Потанин [43]. Выразительный портрет уральской казачьей общины нарисовал С. В. Максимов [44]. Однако сказать, что мы хорошо представляем себе мирское устройство уральских казаков, тем более его эволюцию, нельзя.

Еще хуже обстоит дело с изучением самоуправления у сибирских казаков. «Прочные традиции казачьего самоуправления, идущие еще от обычаев «вольного» казачества и ермаковой дружины, — пишет Н. Н. Покровский о XVII в., — продолжали существовать в Сибири, сложно взаимодействуя с системой воеводской власти. Казачий «круг» был высшим органом этого самоуправления, которое имело свою казну, делопроизводство; мнение служилой общины немало значило в профессиональных вопросах, продвижении по службе и т. д. [45]. Однако применительно к последующим столетиям этот вопрос по-настоящему не исследовался — нельзя назвать ни одной специальной работы. Между тем имеющиеся данные позволяют утверждать, что общинные традиции сибирского казачества не пресекались на рубеже XVII—XVIII вв. Например, в жизни городских казаков Березова и Сургута большую роль играли общие собрания, на которых писали челобитные, обсуждали различные текущие вопросы, выбирали представителей на должности целовальников, таможенных голов и прочих, определяли, кому ехать с казной в Москву или Тобольск, устанавливали очередность командирования на южные линии. На всех выбранных лиц от казачьего общества выдавалось своеобразное поручительство — специальный «выбор». Городничим, которым с 1782 г. подчинялись команды, запрещалось самим производить «раскомандирования»: «буде впредь востребуется надобность по службе командировать куда-либо ис казачьих команд старшин или казаков, то чтоб требовали они только одно число людей, а не по именам», — предписывалось ордером всем градоначальникам Тобольского наместничества (1795 г.) [47].

Администрация не должна была вторгаться в пределы компетенции казачьих собраний — сходов. Законодательство последующего времени учитывало существование институтов казачьего самоуправления. Так, Положением 1846 г. в Сибирском линейном войске предусматривались станичные сходы, станичный суд [48]. Обращение к архивным документам позволяет показать повседневное функционирование органов казачьего самоуправления.

Казачьей общине приходилось постоянно взаимодействовать с военным командованием, местными властями, вступать в контакты с центральной властью. Вопрос об отношении казачества к монарху и центральным органам власти, местному начальству неизбежно встает перед исследователем-историком. Важно при его решении удержаться от крайностей в оценках, когда, с одной стороны, казаки объявляются реакционной опорой самодержавия [49], а с другой, раздуваются до немыслимых размеров их «бунтарские» настроения. Определенному переосмыслению должно подвергаться и участие казачества в крестьянских (точнее — в гражданских) войнах XVII—XVIII вв. Положительный вклад казачества в историю Отечества надо видеть в первую очередь в защите им государственных границ, участии в борьбе с внешними врагами, активной хозяйственной деятельности. Все эти вопросы должны быть подвергнуты обстоятельному изучению.

Урало-сибирское казачество накопило богатейший хозяйственный опыт, детализированные эмпирические знания особенностей тех районов, в которых оно проживало, выработало своеобразные производственные традиции, эффективные приемы трудового воспитания. С. В. Максимов писал: «...не имею в наблюдениях своих достаточных оснований, чтоб не присоединиться к показаниям В. И. Даля и П. И. Небольсина и не сказать, что действительно уральцы (казаки — Н. М.), благодаря умной и справедливой системе пользования естественными богатствами своего края, — самые зажиточные обитатели в русском царстве» [50]. Историками много сделано по изучению направлений и результатов хозяйственной деятельности сибирского служилого люда. Но сегодня особое внимание должно быть обращено на культуру хозяйствования казаков, нормы поведения, связанные с трудовой деятельностью, производственный календарь, традиции трудового воспитания подрастающего поколения — реконструкция опыта хозяйствования казачества имеет не только познавательное значение: многие слагаемые этого опыта могут быть сегодня использованы на практике.

Показательно, что командование со своей стороны содействовало развитию производственной культуры казаков. Например, в 1820-е гг. на средства Сибирского войска в Земледельческой

школе Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) были подготовлены два агронома, которые затем стали учителями сельского хозяйства в войсковом училище, где с 1828 г. был открыт класс по сельскому хозяйству. Теоретические занятия в классе дополнялись практическими занятиями на Омском опытном хуторе, созданном осенью 1828 г. по образцу Бутырского хутора МОСХ. Библиотека училища оперативно снабжалась сельскохозяйственной литературой. Офицеры — выпускники училища должны были затем распространять полученные знания в казачьей среде. Популярностью в войске пользовался «Земледельческий журнал», издаваемый МОСХ. 21 октября 1822 г. начальник штаба войска С. Б. Броневский писал в МОСХ: «Заведение здесь на сибирской линии хлебопашества... на степях никогда не чувствовавших на себе орала, устройство разными силами действующих мельниц и фабрик весьма может быть упомянутому журналу. Опыты, деланные отличными российскими хозяевами, описанные в журнале по земледелию и механике, повторяются здесь по возможности» [51].

Известно, что линейному Сибирскому казачьему войску принадлежали Омская сукодная фабрика, кожевенные и кирпичные заведения и пр. [52]. Все это требует специального внимания историков.

Важное направление казачеведения — исследование духовной культуры казаков, а также культуры казачьего быта: уровень грамотности, круг чтения, фольклор, музыкальное и изобразительное искусство, исторические и географические знания и пр. «Читая и просматривая сохранившиеся в архивах документы за первые столетия занятия русскими Сибири, — писал Г. Е. Катанев, — поражаешься массой всякого рода донесений, челобитных, отчетов, отписок, росписей, доезжих записей, сказок, статейных списков, писанных простыми казаками без посредства писарей и подъячих, немало встречается приложенных к тем донесениям чертежей, маршрутов, карт пройденных и осмотренных казаками стран» [53].

В 1793 г. в Сибирском линейном войске грамотными были все (за исключением одного) офицеры и 15% рядовых [54]. Значителен был процент грамотных в городских казачьих командах Березова и Сургута [55]. Самостоятельная в связи с этим тема — история учебных казачьих заведений, среди которых выделяются Неплюевский (в Оренбурге) и Сибирский (в Омске) кадетские корпуса, войсковое училище в Уральске и пр.

Недостаточно исследовано участие казачества в освоении Урала, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока, соседних стран. «Один голый перечень имен и главнейших командировок

казаков с сказанными целями, — писал Катанаев, — может уже дать понятие о той видной роли участия, какая выпала на долю западно-сибирских казаков в обширной области землеисследования вообще и изучения Азиатской России, в частности» [56]. Надо вспомнить о том, что и сибирская историография обязана своим рождением казакам — первой сибирский архиепископ Киприан в 1621 г. беседовал с «ермаковскими казаками», которые и принесли ему «Написание како приидоша в Сибирь» [57]. Это «Написание» послужило протографом позднейших летописей.

При изучении духовной культуры не должны быть, конечно, обойдены вниманием вопросы религиозных взглядов казачества, их отношения с церковью, деятельности казачьей приходской общины. Церковь, безусловно, играла большую роль в повседневном быту казачества, в жизни казачьей семьи, которые также необходимо внимательно исследовать. В разных районах семейный и общественный быт казаков, их материальная культура имели свои исторически сложившиеся особенности. В. И. Даль, например, писал об одном из уральских казаков, что «старшую дочь свою... старик отдал уже замуж, а приданного не дал, по тамошнему обычаю, ни гроша; об этом и речи не бывает, жених, напротив, должен по уговору справить невесте сороку, головной женский убор, заменяющий со времени замужества, в праздничные дни, девичью поднизь. Есть сороки на Урале в 10 и 15 тысяч. Там девки все бесприданницы, и обычай этот, конечно, ведется с тех пор, как их было еще мало, а холостежи казачьей набирались много» [59].

Исследование различных аспектов истории урало-сибирского казачества, безусловно, будет содействовать более глубокому пониманию истории восточных районов страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. V. С. 230—231.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 72.
3. Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 338.
4. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. V. С. 304.
5. Максимов С. В. По русской земле. М., 1989. С. 164.
6. Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1. С. 7.
7. Кириллов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 403; ЦГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 37 об. — 38.
8. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 33.
9. Там же.

10. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968 — 1969. Т. 1—5; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989; История Урала в период капитализма. М., 1990.
11. Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. С. 427.
12. Секретная директива ЦК РКП (большевиков), принятая 25 января 1919 года || Новое поколение, 1991. № 6. 9 февраля.
13. Казачий круг. 1990. № 221. 17 ноября.
14. Шуков В. Казачья демократия || Янцкая воля. 1990. № 1. Декабрь.
15. Соловьев С. М. История России... Т. V. С. 304—305.
16. Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество... С. 3.
17. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Кн. 1. С. 524—526.
18. Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1986.
19. Даль В. И. Уральский казак || Наши спсанные с натуры русскими. СПб. 1841. Вып. 14. С. 157—177; Максимов С. В. По русской земле... С. 129—173; Потанин Г. Н. Воспоминания || Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. С. 140—157.
20. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 83—85.
21. Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество... С. 3.
22. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 40.
23. Там же. С. 41.
24. ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. 1183. 1276 и др.
25. Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество... С. 4.
26. ЦГВИА. Ф. 23. Оп. 1|121. Д. 515. Л. 2—10 об; Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. М., 1983. С. 38. ЦГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 563. Л. 10 об. — 11.
27. Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке... С. 48.
28. ЦГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5265. Л. 1—2 об.
29. Статистическое обозрение Сибири, составленное статским советником Баккаревичем. СПб., 1810. С. 79—80.
30. Даль В. И. Уральский казак... С. 174, 178.
31. Петров В. И. Социально-экономическое положение сибирского казачества в XVIII — первой половине XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1963; Ивонин А. Р. Городское казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987.
32. Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. 1954. Ч. 2. С. 83.
33. Потанин Г. Н. Воспоминания... С. 71, 74.
34. ЦГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 515. Л. 10.
35. Петров В. И. Социально-экономическое положение... С. 87—94.
36. Потанин Г. Н. Воспоминания... С. 142—145.
37. Белоножка Ю. А. Сельскохозяйственная литература в дореформенной Сибири и МСОХ || Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX вв. Новосибирск, 1982. С. 41—45.
38. Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество... С. 11—12.
39. Максимов С. В. По русской земле... С. 165.
40. Пушкин А. С. История Пугачева. Уфа, 1978. С. 24—25.
41. Максимов С. В. По русской земле... С. 168.
42. Потанин Г. Н. Воспоминания... С. 150.
43. Там же. С. 149.
44. Максимов С. В. По русской земле... С. 129—173.

45. **Покровский Н. Н.** Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские мифы. Новосибирск, 1989. С. 5.
46. **Александров В. А., Покровский Н. Н.** Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. || История СССР, 1986. № 1. С. 47—68; **Покровский Н. Н.** Томск...; **Никитин Н. И.** Служилые люди...; Он же. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века || История СССР, 1986. № 4.
47. **Миненко Н. А.** Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 226.
48. **Аполлова Н. Г.** Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976. С. 154.
49. **Потанин Г. Н.** Воспоминания... С. 318.
50. **Максимов С. В.** По русской земле... С. 162.
51. **Белоножко Ю. А.** Сельскохозяйственная литература... С. 45—47.
52. **Аполлова Н. Г.** Хозяйственное освоение Прииртышья... С. 156.
53. **Катанаев Г. Е.** Западно-сибирское служилое казачество... С. 9.
54. Там же. С. 12.
55. **Миненко Н. А.** Северно-Западная Сибирь... С. 121—122.
56. **Катанаев Г. Е.** Западно-сибирское служилое казачество... С. 14.
57. Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 163.
58. Родина, 1990. № 10. С. 97.
59. **Даль В. И.** Русский казак... С. 175.